

Глеб Карпинский

Волшебная лужа

Сборник рассказов

Глеб Карпинский

Волшебная лужа.
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Волшебная лужа. Сборник рассказов / Г. Карпинский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904054-1

«Волшебная лужа» — это сборник рассказов на актуальные жизненные темы. Читая их, Вы невольно окунетесь в мир волшебства и реальности, любви и сострадания. Рассказы написаны ярким, красивым языком в совершенно разных жанрах, так что чтение обещает быть интересным. Кроме того, на обложке приведена оригинальная фотография, сделанная автором на Пасху весной 2010 года, на которой можно узреть лик Спасителя. Автор уважает Ваше мнение и будет признателен за отзывы.

ISBN 978-5-44-904054-1

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

Ниська	6
Когда два добра встречаются...	10
Притча о двух братьях	11
Бабушка, я лечу	12
Солнце для слепой	14
Как я гуся ел в посольстве	16
Чеченская рота	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Волшебная лужа

Сборник рассказов

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

Фотограф Глеб Карпинский

Иллюстратор Светлана Солодко

© Глеб Карпинский, 2019

© Глеб Карпинский, фотографии, 2019

© Светлана Солодко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-4054-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ниська

В тот день был мороз. Я спускался по лестнице, согретый поцелуем любимой девушки, и думал о завтрашнем экзамене. У мусоропровода лежала картонная коробка. В ней в кусочках газеты жалобно мяукал пушистый комочек. Это был котенок. Что-то остановило меня, помешало пройти незаметно. Котенок высунулся из коробки и посмотрел на меня мокрыми от слез глазами. Мое сердце болезненно вздрогнуло, и я взял его на руки и прижал к груди. От котенка пахло мусоропроводом. Он закрыл свои мокрые глазки и заурчал. У него была перебита передняя лапка. Очевидно, подъездной дверью. На теле повсюду были расчесы. Я снова положил его в коробку, отряхивая руки, и было видно, как котенок всеми своими силами не хотел обратно. Думаю, этой ночью он бы замерз.

Я жил тогда в общежитии, учился на инженера, и котенок для меня стал бы обузой. Но в эти минуты волна возмущения прокатилась во мне, и я решил вырвать это несчастное создание из лап смерти.

Ветеринар мне предложил усыпить его, и под лучами ультрафиолетовой лампы показал мне причину своих опасений. Котенок весь светился лишайными пятнами. Но я был категорически против, настаивал на лечении.

– Вы будете героем, если выйдете его, – сказал ветеринар на прощание, прописав мази и сделав укрепляющие уколы животному. Вправлять лапку котенку ветеринар не стал, лишь наложил шину, чтобы поскорей зажила.

– Ничего страшного, будет прихрамывать, но еще раз мучить не стоит.

В своей тетрадке он записывал имена своих пациентов и спросил у меня имя котенка.

– Нисси, – ответил я тогда. Не помню, почему именно это имя пришло мне в голову, но оно закрепилось в моем сознании и уже скоро трансформировалось в Ниську.

Ниська была очень забавной. Когда я засыпал, она украдкой подходила к кастрюле с макаронами, приоткрывала крышку и утаскивала макароненку. Я улыбался, делая вид, что сплю. В такие моменты одиночество отступало, расписывалось в своем бессилии.

Вечерами я играл с Ниськой, засовывая руку под одеяло, и шуршал. Она прижималась к земле, виляла из стороны в стороны хвостом и готовилась к прыжку. Глаза ее загорались игривым блеском, а шерсть на спине становилась дыбом. Я мазал Ниську мазью, прописанной ветеринаром, и обнаружил, что кошачий лишай перешел и на мою кожу. Это неприятность огорчила меня, и мне понадобился второй тюбик лечебной мази для себя. Скоро болезнь отступила, и Ниська превратилась в красивую пушистую кошку. При ходьбе она слегка припадала на первую лапку, но это отнюдь не мешало ей двигаться.

Помню, как она ловила мышей в деревне. Тогда я уже был женат, хорошо зарабатывал. Ниська пряталась в сарае и ждала, когда мимо нее пробежит мышь. Местных кошек и котов она гоняла.

Однажды я прочитал в газете, что у англичан есть поверье, будто если мужчина заводит кошку, это к удачной женитьбе. Удивительно, но именно после того, как я пожалел Ниську, я сделал предложение любимой девушке, и она согласилась, несмотря на то, что родители ее были против нашей свадьбы. В те времена я был беден, а они, естественно, хотели выдать дочь за успешного и богатого жениха. Тогда у нас не было детей, но Ниська объединяла меня с любимой девушкой какой-то невидимой нитью. Мы снимали квартиры, жили впроголодь и были счастливы. Конечно, проблемы существовали, они подталкивали к решительным действиям. Я поменял очень много работ. Работал сторожем мыльного цеха, торговым представителем, продавцом, барменом, валютным дилером. Все время мне приходилось доказывать, что я на что-то способен, и вскоре мне повезло. Я устроился в инвестиционную компанию, где сделал карьеру

и заработал на двухкомнатную квартиру в Москве, что по тем временам и да и по этим для парня из сельской местности, родители которого были пенсионеры, было невозможно.

Моим талисманом была Ниська. Вся жизнь крутилась вокруг нее. Мы брали ее повсюду, баловали, несмотря на то, что она была вредной кошкой. Если ей что-то не нравилось, она писалась. Помню, очень не любила Ниська разбросанные вещи, поэтому в нашей квартире всегда был порядок. За ее вредный характер я хватал кошку к себе под одеяло и долго удерживал. Ее попытки бегства забавляли меня. Она ждала момент, когда я ослаблял хватку, и вырывалась на свободу. Когда кошке исполнилось два года, мы решили ее познакомить с персидским котом и нашли желающих взять будущих котят. Ниська вела себя как порядочная девушка. Хозяева жениха по прозвищу Шах уверяли, что ни одна кошка не устоит перед ним. Кот взял ее только через неделю и то, наверно, когда измученная и уставшая от настырных ухаживаний, она заснула в кресле. Смешно, но я сильно ревновал ее к Шаху и быстро положил конец безобразию.

Однажды Ниська провинилась, и мы ее отругали. Затем она потерялась, мы думали, что она упала с балкона и ее разодрали собаки. Мы искали ее два дня, ходили по подвалам, расклеивали объявления и спрашивали возможных свидетелей происшествия. Ночью я плакал и не мог заснуть, представляя, каково сейчас Ниське в чужом и незнакомом месте среди опасностей. Оказалось, что она спряталась в шкафу, специально давая почувствовать нам свою значимость.

Нельзя сказать, что до этого я был атеистом. Нет, напротив, я всегда чувствовал над собой присутствие высшего разума, особенно в моменты жизни, когда приходилось делать серьезный выбор, часто просил помощи у Всевышнего и получал ее. Мне кажется, бог любил меня и также баловал, как я Ниську. Помню ту необычную ночь, когда я поверил по-настоящему в бога. Мы спали, как вдруг Ниська прыгнула мне на живот и разбудила. Она смотрела на меня испуганными глазками, и я понял, что она рожает. Я гладил ее, успокаивал. Ей было больно и страшно. Когда на свет появились двое очаровательных котят, я прозрел. Это было чудо. Жизнь сотворила жизнь. Помню, мы плакали от счастья с женой, глядя, как кошка лижет новорожденных детей своих.

Ниська была строгой мамой, котяткам здорово перепало, особенно полосатику. Помню, они пищали и пытались убежать, но мать хватала зубами их за холку и тащила куда-то. Думаю, она ревновала, так как ее деткам оказывалось гораздо большее внимание. Ведь котята были такие забавные, их невозможно было не потискать, не взять в руки, не расцеловать, не улыбнуться. К нам приходило много друзей, и мы вместе смеялись, глядя, как делают первые шажки своей жизни эти добрые создания. Когда котят раздали, стало немного грустно, но Ниська носилась по всей квартире от радости, как угорелая. Потом Ниську мы стерилизовали. Она плохо перенесла операцию, и моей жене пришлось брать отпуск, чтобы ее отходить.

Сейчас пытаюсь вспомнить один из счастливых дней, когда я был в браке. Пожалуй, я опущу день рождения своей дочери. Это слишком личное, чтобы открывать это миру, но из приятных воспоминаний можно привести один момент, который именно сейчас приходит в голову, и, наверно, напрашивается на то, чтобы я рассказал его читателям. Это было ранней весной, когда в лесу еще лежал снег, а на дороге расплзались лужи. Светило яркое солнце, звуки леса успокаивали душу и расслабляли. Мы шли с женой, держась за руки. Мы остановились у большой продолговатой лужи. От ночных заморозков ее сковал лед, но по краям от теплых солнечных лучей была вода. Она журчала чистейшим весенним звоном. Мы смотрелись в водное зеркало и целовались. По этой воде плыла зеленая лягушка. Еще сонная от зимней спячки, она гребла своими лягушачьими лапками, и было так забавно и завораживающе наблюдать за ее барахтаньем.

Хорошее заканчивается. Познакомившись с основами индийской астрологии, я понял, что у каждого человека в жизни бывает сложный период «сади-сати», когда властвует Шри

Сатурн, повелитель судьбы. Он в образе старца в рваных и изношенных одеждах, держащий трезубец и восседающий на черепахе, разрушает старое, чтобы создать новое. Я не хотел перемен, меня все устраивало, но никто не спрашивал меня, хочу я этого или нет.

Удар пришелся по моему талисману. С рождением ребенка Ниська стала неуправляемой и тревожной, особенно, когда мы ругались с женой и ее мамой. Они считали, что лучше знают, как воспитывать мою дочь, и вся отцовская любовь отравлялась непониманием со стороны близких мне людей. Я надеялся, что скоро все пройдет, искал спасение в деньгах. У меня должна была состояться сделка, благодаря которой я мог заработать порядка миллиона долларов, но бог изводил меня, оттягивал и дразнил. Наверно, я был не готов к большим деньгам. Сейчас, оглядываясь назад, я благодарен Ему за это. Иногда я убеждаюсь, что в этом мире вообще нет зла, а есть только непонятое добро. Сейчас становится смешно, вспоминая, как я огорчился, и в мыслях мелькнул суицид, когда узнал, что у моей жены появился любовник. Затем меня уволили с работы, и вскоре я остался вообще на улице без средств к существованию. Квартиру и машину я подписал жене, все заработанное за десять лет совместной жизни одним росчерком пера подарил той, которую любил и которой не мог простить измены. Я никогда не думал, что со мной могут так поступить люди, которым я верил и доверял. Но все это произошло после того, как Ниськи не стало.

Я очень любил свою жену, любил так, что часто шел на поводу у любимой женщины, и все делал для того, чтобы она была счастлива. Но женщины – загадочные существа, они часто не знают, чего хотят, и всегда недовольны нами, мужчинами. Когда это произошло, я даже грешным делом подумал, что все женщины сумасшедшие.

Ниська начала писаться, жена сказала мне, что очень беспокоится за нашу дочь, и что она устала стирать испорченные кошкой вещи. Чаще всего доставалось покрывалу на диване. Другими доводами являлось то, что Ниська могла поцарапать глаза ребенку, а из-за кошачьей шерсти существовала вероятность возникновения аллергии. Чем больше мы ругали Ниську, тем больше она вредничала. В один момент, жена сказала, что так дальше продолжаться не может. Я хотел отвезти кошку к своим родителям, говорил, что это испытание мы должны пройти с честью, но все было тщетно. Меня не слушали.

Как хладнокровный преступник, я взял лопату, попытался положить бедную кошку в корзину, и она, словно почувствовав, куда ее собираются везти, стала сопротивляться, выставляя вперед все свои когтистые лапки. Никогда прежде я не видел, как неистово она боролась за свою жизнь. Она билась в корзине всю дорогу, когда я ехал к ветеринару, но не к тому, с которым я встречался в самом начале этой истории, а к другому. Было стыдно и больно. Я попытался быть жестоким, оправдывал свои действия тем, что у человека есть выбор и что он не должен мучиться из-за больного животного. Перед тем как отдать Ниську на усыпление, я вытащил ее из корзинки и посмотрел в глаза. Как и тогда при первой нашей с ней встрече в ее глазах были слезы. Не помню, сколько по времени я смотрел в эти глаза, но и сейчас они встают передо мной, и мне становится не по себе. Ветеринар попросил меня выйти, а через минуту вынес мне пакет, в котором лежала мертвая Ниська. Было нелепо смотреть на ее неподвижное тело, похожее на пыльную шапку. У меня потекли слезы. Я положил страшный пакет на пассажирское сиденье и поехал в лес. Там, под кустом малины, земля была еще мерзлая и поддавалась с трудом, я закапывал ее. Помню, мимо проходили случайные люди, и мне казалось, что они смотрят на меня с осуждением. Я боялся. Там же, где-то неподалеку, я выкинул корзину, понимая, что любое упоминание о Ниське обостряет боль. Я предчувствовал, что после этого жизнь моя изменится в худшую сторону, но насколько в худшую даже не предполагал. Если бы сейчас вернуть то время, я никогда бы не позволил усыпить Ниську и сделал бы все возможное, чтобы решить эту проблему другим способом. Ниська подарила мне годы счастья, она многому научила меня, и я был ей обязан. Но тогда я был слаб, и как получалось, не имел собственного мнения. Наверно, все, что потом произошло со мной в дальнейшем, произошло,

чтобы больше никогда я не повторил этой самой постыдной и ужасной ошибки в моей жизни.
Ниська, прости меня, пожалуйста, прости...

Когда два добра встречаются...

Когда два добра встречаются, они и по-доброму расходятся. Эта мысль пришла ко мне внезапно. Не знаю, может она и не совсем верная и какой-нибудь кропотливый читатель высмеет меня и даже докажет обратное, но мне следует описать недавнее происшествие, приключившееся со мной на Кубани.

Я ехал довольно быстро по станице, у меня были московские номера, сама машина была дорогой, резко выделяющейся на фоне обычных заезженных колхозных. Я был одет в красивую рубашку, на мне были брюки, ботинки, я чувствовал себя неким мессией в этих краях. Мелькали какие-то утки, гуси, шли неспешно сельские жители.

Передо мной остановилась машина и прижалась к обочине, и я уже собирался пролететь ее, как с другой стороны дороги к этой машине выскочила бабушка, и только чудо, в которое я буду верить всегда, спасло меня от неприятностей. Я затормозил плавно, бабушка вовремя отскочила назад и стала пропускать меня, извиняясь. Эта была очень добрая бабушка, в каком-то платке, в старом халате и поношенных тапочках, чья-то мать, чья-то дочь, но по ее ласковому лицу, жестам, поведению я чувствовал ее обычную человеческую любовь ко мне. Я невольно сделал жест рукой, чтобы она перешла передо мной, хотя там не было пешеходного перехода, ну кто в станице соблюдает эти правила? А бабушка отнекивалась и пропускала меня, и я поехал дальше даже немного пристыженный. И вот эта мысль пришла мне тогда в голову.

Интересно, а чем бы все закончилось, будь то мне встретился злой человек?

Притча о двух братьях

Было это так давно, что никто уже не помнит, как все было, если бы не дошла до нас эта история в виде бокала вина и кусочка сыра.

У подножия высокой горы далеко за лесами жили два брата. Жили они в маленькой хате и довольствовались малым. Все радости и невзгоды делили по-братски, пополам. Но была у каждого брата своя мечта. Один мечтал о винограднике с красивыми черными ягодами и о прекрасном вине, которое должно получиться. Другой хотел заниматься производством нежнейшего козьего сыра. Но средств на это у них не было, пока однажды осенью не выдался небывалый урожай грецких орехов, и братья повезли его в город и выгодно реализовали. А на вырученные деньги купили сто саженцев винограда да козу с козлом. И с тех пор казалось стали они счастливее, ибо каждый нашел в новом деле отраду. Один брат разбил на склоне горы виноградник, а другой сделал небольшой загон и построил сарайчик для животных в ожидании козленочка. И все было бы прекрасно, когда весной брата, который занимался виноградником, не призвали в армию, так как шла война. Погоревали братья, но делать нечего. Брат, который занимался козами, обещал следить за виноградом и отпраздновать скорое возвращение не только вкусным сыром, но и прекрасным вином.

На счастье война быстро закончилась, брат вернулся домой, но на столе его ждала тарелка одного сыра. И хотя сыр был необыкновенно вкусным, без вина не было веселья, и опечаленный брат спросил справедливо:

– А где же молодое вино? По моим подсчетам должно быть не менее трехсот литров прекрасного вина. Мы бы могли гулять целый месяц!

И услышал печальный ответ, что виноградник объели козы, которые расплодились, и за которыми стало сложнее следить.

Но следующей весной опять началась война и в армию призвали послужить уже другого брата.

– Что же делать мне с козами? – опечалился он. – Кто будет их доить и лелеять?

Оставшийся брат успокоил его и обещал отметить его возвращение не только прекрасным вином, потому что непременно собирался отрастить новые лозы, но и козьим сыром.

Прошло время, война закончилась, и в хату весело постучали. Но каково было огорчение вернувшегося, когда на столе стоял кувшин прекрасного вина, но не было ни ломтика вкусного сыра. Оказалось, что оставшийся брат так увлекся виноделием, что козы у него паслись за лесом без присмотра и их подрал волк, оставив лишь в живых только козочку да козлика.

– Что же ты наделал, брат! – воскликнул в сердцах вернувшийся, – И хотя твое вино бесспорно прекрасно, и мы могли бы отмечать мое возвращение месяц, но ведь каждому известно, что жизнь – это вечная свадьба, где вино – невеста, а сыр – жених. Так какая же свадьба без жениха?

И поняли вдруг братья, что нельзя быть счастливым за счет ущемления мечты другого. И заплакали и обнялись, простив друг другу малодушие, и решили вместе и возделывать виноград, и выращивать коз, и каждое застолье отмечать вином и сыром.

– Да будет так всегда! – пожали они друг другу руки. – Лишь бы не было войны.

Бабушка, я лечу

– Бабушка, я лечу к тебе, – раздавался голос ребенка в телефонную трубку, и никто не знал, что этот детский радостный голос уже неминуемо мчится сквозь грозовой фронт в самое страшное пекло стихии.

– Все... Съезжаем... Конеч.. – протонал обреченно пилот, вцепившись в штурвал самолета.

– Не убивайте нас, не убивайте! – раздалось на дальнем фоне, и связь прервалась.

Пожилая женщина вышла на крыльцо. Было раннее утро, и только дворник Матвей печально мел во дворе опавшие листья, словно косил в поле траву, и женщина вспомнила своего мужа, который с первыми лучами солнца каждое утро уходил на сенокос. А она ждала его к обеду, с любовью накрывала на стол белую скатерть, ставила кастрюлю с вареным картофелем в сливочном масле, посыпала его обязательно зеленым укропчиком, доставала из погреба кувшин с прохладным молоком и разделявала селедочку. Деревню снесли, и на том месте давно выросли многоэтажные дома разрастающегося как раковая опухоль мегаполиса. Вместо проселочных, вязких дорожек проложили проспекты, по которым спешили куда-то машины, и жизнь изменилась. Люди стали другими, и она, Антонина Павловна, наверно, тоже стала другой. Прошло пять лет, как она овдовела. Врачи говорили, что это был инсульт, но кто кроме Антонины Павловны мог лучше знать, что причина смерти ее мужа была в тоске по внукам. Она сама каким-то чудом пережила эту трагедию, и раз в год в день той ужасной авиакатастрофы под Донецком отправлялась на место крушения авиалайнера, словно собиралась в гости к дочери. Женщина покупала детские игрушки, обычно куклу Вале и робота Коле, зятю перцовку, а дочери пекла пирожки с капустой, которая та при жизни обожала, но так и не научилась печь.

На этот раз подвело здоровье, ноги совсем не слушались, и Антонина Павловна, повздыхав и поохав, решила никуда не ехать, а встретить годовщину дома в своей маленькой квартирке с котом Васькой. Конечно, в ее жизни были потом мужчины, но ей так и не удалось полюбить кого-то из них. Наверно, Антонина Павловна об этом жалела, потому когда, как не сейчас ей требовалась поддержка, но, не найдя ее, женщина выходила на крыльцо, садилась на влажную от росы лавочку и долго, долго смотрела на пустую детскую площадку.

В это утро к ее ногам спустился белый голубь. Птица стала клевать разбросанную у лавочки шелуху от семечек, и, казалось, вовсе не замечает женщину, словно это был не живой человек, а памятник, и Антонина Павловна даже согласилась с такой мыслью.

«Я живой памятник, и с моим уходом останется лишь забвение, и некому будет помнить о Валечке и Колечке. Может, на том свете мне разрешат повидать моих внуков, ведь священник сказал, что они попадут в рай, и эта трагедия – всего лишь напоминание, что все мы временно пребываем на этой земле, на этом воздушном шаре, который рано или поздно все равно лопнет, не выдержав накопившуюся боль человеческих страданий. Господи, а куда попаду я?».

У голубя были ярко-оранжевые глаза, и Антонина Павловна вспомнила, как учила рисовать Валюшку красками, и внучка все время забывала споласкивать кисточки, от чего цвета перемешивались: апельсины получались красно-синими, а крокодилы зелено-фиолетовыми с черными и голубыми разводами.

– Пять лет прошло как один день! – подумала женщина вслух, и, словно соглашаясь с ней, голубь начал ворковать. Дворник Матвей подбирался к подъезду, и птица, напуганная шумом метлы, взлетела в нахмуренное небо и растворилась в скрученных его облаках, а Антонина Павловна подумала, что белый голубь – это к хорошему и, наверно, вскоре она услышит какую-нибудь радостную весть.

– Тоня, слыхала, что пенсии с 1 декабря повышают на пять процентов, а инвалидам труда аж на десять! – сказал вдруг дворник Матвей. Он прекратил мести и присел перекурить на ту же лавочку, где сидела Антонина Павловна.

– А что толку, если цены в магазинах растут как на дрожжах, издевательство какое-то! – поддержала разговор женщина и уже собиралась уходить домой, как вдруг увидела на детской площадке девочку. Она была одна и играла в песочнице.

– Гляди, совсем родители с ума сошли! Оставлять одного ребенка, да и в наше то время. Когда кругом органами торгуют и людей воруют, – возмутилась женщина.

– Да! – согласился дворник, – помню раньше коляски с детьми во дворе стояли и никого. Идешь мимо, ребенок заплакал, покачаешь и дальше идешь. А сейчас эх!

И мужчина махнул рукой.

– Я, Тоня, уже весь двор перемел, хочешь, пойдем ко мне чаю попьем! Я тебя тут в такую рань каждый раз вижу и уж привык к тебе, а сегодня почему-то решил угостить тебя чаем.

Антонина Павловна перевела свой тревожный взгляд с детской площадки на Матвея и присмотрелась к дворнику. На вид ему было около 70 лет, но старик был жилистый и крепкий, словно сделан был из стали, и, если бы не старость, которая оставляла свои следы на его лице в виде глубоких морщин и вздутых синих вен на руках, Антонина Павловна бы подумала, что ей делают предложение. Она даже улыбнулась, и Матвей тоже улыбнулся, показав свои желтые редкие зубы.

– Говорят, сегодня будет снег... – продолжил дворник, – Тонь, ты лыжами-то запаслась?

– Да лыжами запаслась, только палки нужны.

– Да пару палок могу подбросить, – и старик засмеялся.

– А, старый и тебя туда же! Иди мети лучше! – и Антонина Павловна встала и, опираясь на трость, медленно пошла в сторону детской площадки, где играла девочка. Девочка была в вязаной шапочке и в куртке с изображением Микки Мауса.

– Здравствуй, Красная Шапочка, ты чего одна тут играешь? – спросила Антонина Павловна, тяжело дыша. Несколько шагов дались ей нелегко. Девочка повернула голову и деловито сказала:

– Мама уехала с дядей на машине, и сказала, что на меня папа в окно смотрит, а она сама скоро вернется. Я в этом доме живу!

«Такая красивая девочка, словно куколка с картинки», – с умилением подумала Антонина Павловна.

– Ты девочка только никуда не улетай, я уж присмотрю за тобой, пока мама вернется.

– Бабушка, а разве дети могут летать? – засмеялась девочка и продолжила лепить куличики из песка.

У Антонины Павловны задрожал голос, и она еле сдержала слезы. «Может быть Валюша прилетела ко мне в виде того голубя? А я дура старая даже семечек не дала».

Вертолет стал кружить над районом и спускаться. На его брюхе видна была надпись ЦЕНТРОСПАС. Пугающий рокот заставлял вибрировать стекла окон, и женщина перекрестилась, когда вертолет скрылся за крышей дома, утягивая за собой воздушные потоки с листьями. Подбежавший дворник Матвей сквозь шум прокричал:

– Тоня, что-то случилось! Авария какая-то. Видишь, спасатели летят! Я пойду в ЖЭК позвоню Петровне, может она знает...

Солнце для слепой

Центр Москвы. Зимний ясный день. Солнце, отражаясь в зеркальных витринах фешенебельных бутиков, слепит глаза случайным прохожим. На голых ветках деревьев радостно чирикают воробьи. Молодой человек подбегает к цветочному киоску, опережает какого-то нерешительного мужчину, протискивается вперед, быстро перекидывается несколькими фразами с продавщицей и покупает три желтых розы. Продавщица, черноволосая азиатка, сгорбленная, косматая, с грязными ногтями, похожая на ведьму из детских сказок, предлагает ему красочную упаковку, рассчитывая на дополнительный заработок, но молодой человек вежливо отказывается, забирая всю сдачу. Она недовольно фыркает и переключается на нового покупателя.

Молодой человек спешит дальше по тротуару, временами поглядывая на часы. На щеках счастливчика можно заметить легкий румянец то ли от пощипывающего кожу морозца, то ли от предвкушения приятного времяпровождения. Одет он сам серо, в потертом неброском пальто и без шапки, несмотря на холод. Розы выгодно выделяются на блеклом фоне его долговязого тела своим насыщенным желтым цветом. Вдруг молодой человек останавливается, заметив что-то особо неприятное боковым зрением. Там, на сером от городской пыли сугробе, истоптанном следами птиц и собак, кто-то начертил бессмысленную, но хорошо читаемую фразу «Ты покойник». Молодой человек хмурится и продолжает движение.

Перед пешеходным переходом он видит дряблую старушонку с палочкой, которой та постукивает по тротуару. Молодому человеку не надо переходить дорогу. Он хочет проскользнуть мимо, но включается красный запрещающий цвет светофора, и пожилая женщина неуверенно делает шаг на проезжую часть. Молодой человек хватает ее под локоть свободной рукой.

– Бабушка, Вам жить надоело... – то ли спрашивает, то ли утверждает он брезгливо. Старушка что-то шепчет высохшими от старости губами.

– Что-что? – переспрашивает молодой человек сердито.

– Метро, внучок. Далеко метро...? – наконец обращает она внимание на него.

– Рядом, бабушка, рядом, через дорогу.

– Красивые розы у тебя, внучок, – улавливает приятный аромат цветов старушка, громко шмыгая своим маленьким носиком.

– Красивые... – соглашается молодой человек. Его лицо расплывается в довольной гримасе, но он тут же делает важный вид.

– А какого цвета, внучок? – наивно спрашивает старушка.

– Желтые! – строго добавляет он, и, присматриваясь, с удивлением понимает, что пожилая женщина перед ним совершенно слепа.

– Как солнце... – шепчет про себя та, улыбаясь. – Как солнце...

Удерживая ее под локоть, молодой человек топчется от нетерпения на месте. Глаза бегло ищут случайного прохожего, кто бы мог подменить его в качестве поводыря. Очевидно, тратить время на сопровождение беспомощной женщины до метро совсем не входит в его планы. Старушка при этом постоянно пытается двинуться вперед на проезжую часть.

– Да, стойте Вы, бабушка на месте! – злится молодой человек. Его вдруг прерывает угрожающий свист тормозов, заставляющий вздрогнуть даже самое смелое сердце. Поток машин останавливается прямо у зебры. Звучит сигнал для пешеходов, и молодой человек, так и не найдя замену, решается перевести старушку.

Она ковыляет еле-еле, постукивая палочкой то по асфальту, то по бамперам машин, перебирает своими слабыми скрюченными ножками и бормочет недовольно о чем-то своем, стариковском. Ее неспешащее поведение начинает еще больше раздражать горе-поводыря.

– Бабушка, Вы идите прямо и никуда не сворачиваете. Вам всего два метра осталось! – На половине пешеходного перехода молодого человека вдруг осеняет спасительная мысль, как сэкономить ценное время.

– Извините, я очень сильно тороплюсь. – Оправдывается он и показывает свободной рукой направление, будто слепой чудесным образом внезапно вернулось зрение.

– Идите вперед, не сворачиваете, – повторяет настойчиво он.

Старушка кивает своей маленькой головкой, спрятанной под пуховым оренбургским платком, и растерянно благодарит молодого человека за помощь. Надеюсь, что слепая поняла его правильно, он освобождает ее хрупкий локоток и трепетно ждет. В этот момент он похож на мальчика, который пускает свой игрушечный кораблик по водному течению, переживая и одновременно с интересом наблюдая дальнейшую его судьбу. Убедившись, что бабушка идет в верном направлении, молодой человек облегченно вздыхает и возвращается на тротуар.

Оглянувшись еще раз, он вдруг неожиданно поскользывается на коварной наледи и, пытаясь сохранить равновесие, резко размахивает руками. Стая воробьев, напуганная его странными движениями, взлетает ввысь. Наконец молодому человеку удается устоять на месте, но он с горечью замечает, что у одной из роз надломилась головка. Несчастный хмурит брови, осторожно трогает надломленную головку розы, и вздрагивает, когда та падает на асфальт. Опять хмурится, смотрит на часы, на этот раз его лицо становится еще мрачнее.

– Черт! – матерится он, отшвыривая сломанную розу в сторону. Задумывается на секунду, и сконфуженно отворачиваясь от любопытных взглядов зевак, кладет одну из уцелевших роз прямо на бордюрный камень. Затем быстро удаляется, видимо, не решаясь появиться на встрече с двумя цветами.

Зажигается красный сигнал светофора, но поток машин трогается неохотно, с пробуксовкой. Кто-то нетерпеливо жмет в долгий гудок, торопя впереди стоящие машины. Причиной всему оказывается та же слепая женщина. Очевидно, когда молодой человек оставил ее, она все же замешкалась и, сбившись с курса, пошла в обратном направлении.

Две симпатичных девушки-студентки на бегу подхватывают старушку под руки, и чуть ли не несут к тротуару. Пожилая женщина едва касается своими изношенными валенками поверхности дороги, не забывая постукивать при этом своей палочкой. Секунды. И вот уже благополучно миновав опасный участок дороги, она желает здоровья своим новым спасителям.

Девушки задорно смеются. Одна из них замечает оставленную на бордюрном камне шикарную желтую розу и восторженно поднимает цветок над собой.

– Класс, Катька! – радуется другая и в ее светлых глазах угадывается легкая зависть. Она бросает жадный взгляд на эту розу и тяжело вздыхает.

– А пахнет-то как классно! – восклицает ее подруга, простужено покашливая, и девушки по очереди нюхают цветок. Не понимая, что делать с этим неожиданным подарком судьбы, «названная Катькой» вкладывает цветок в руку слепой женщине.

– Где метро, где метро? – шепчет та в пустоту, постукивая палочкой.

– Бабушка, возьмите. Это Вам! – с хрипотой в голосе говорит девушка. Старушка грустно улыбается. На ее добром лице разглаживаются морщины, когда она нюхает цветок.

– Внучок, влюбился что ли? – добродушно спрашивает она.

«Названная Катькой» не может сдержать смех. Ей забавно, что ее спутали с молодым человеком.

Как я гуся ел в посольстве

Случилось мне в бытность работы дипломатом попасть на прием к послу Германии, а именно в немецкое консульство на Мосфильмовской. Я поехал со своим боссом, глубоко верующим человеком. У меня была мысль справиться нужду у забора, но он предостерег меня, что мы на территории другой страны, и чтобы я вел себя прилично. Эта была конференция, посвященная продвижению немецких товаров на российский рынок. Стоит отметить, что в мире был экономический кризис. Зарплату мне задерживали, и я ходил в летних ботинках, хотя на улице стоял морозный ноябрь. В это время меня как раз любимая жена выгнала из дома за то, что я мало зарабатывал. Поэтому я жил, как бедный родственник, у всех моих знакомых, которые периодически меня также выпроваживали. Я реально голодал, но выглядел очень хорошо. Никто не мог даже разглядеть в красивом, молодом и успешном человеке такое отчаянное состояние. И вот после официальной части начался банкет. Девушки в национальных баварских костюмах на подносе разносили напитки и пиво. Гости, в основном российские и немецкие бизнесмены, а также приглашенная пресса накинулась на еду. Столы ломились всякими заморскими яствами. Чтобы описать увиденное, нужно побывать на похожем мероприятии. Другими словами, клубничка была нашпигована на киви, а киви на клубничку, а сверху еще брусничка. Рыба, мясо, сыры, знаменитые немецкие колбаски, закуски, сладости... Но больше всего мое больное внимание привлекло огромное блюдо, на котором важно красовался цельный печеный гусь. Рядом стоял немецкий повар. Он отрезал от гуся кусочки и накладывал их на протянутые блюда гостей. Желających отведать это яство было очень много, и у меня также потекли слюни. Я было бросился расталкивать локтями зажавшихся, но мой босс остановил меня.

– Не суетитесь! Выдержим паузу, показывайте, что вам безразлично это мероприятие.

– Вы, Алексей Егорович, поститесь, а я нет... – попытался оправдать я свой порыв.

И мы стояли и молча наблюдали с горделивым видом у стойки бара, как веселятся гости. Передо мной прошла официантка с подносом и предложила нам выпить. Мой босс взял бокал настоящего баварского пива изящно двумя пальчиками и с невозмутимым видом гурмана понюхал.

– Да пиво не дурно... – отметил он и поставил бокал на место.

Бокал тут же схватил какой-то дистрибьютор из Биробиджана.

– Вот это наш человек! – улыбнулся мой босс, а у меня все во рту пересохло.

Я готов был дотянуться до другого бокала, но упустил момент. Официантка уже ушла.

– Еще не время! – шептал босс, постоянно удерживая меня за рукав. – Вы смотрели фильм «Судьба человека», где немцы вызывают пленного русского солдата и наливают ему три стакана водки подряд, а он пьет и не закусывает, хотя голодный, как черт?

– Ну, вы и сравнение привели, Алексей Егорович. Боже упаси.

– Помните, Вы представляете лицо государства. Держите себя в руках!

Я все-таки уличил момент и урвал один бокал вина. Босс заметил это и недовольно сказал:

– Отпейте осторожно глоток, поморщитесь и поставьте бокал на стойку бара.

Я так и сделал, проклиная тех чертей, кто придумал этикет, и обреченно смотрел на разбазаренные столы. Гусь мой таял на глазах. Уже не было левого бока и вишенки в клюве.

– Пора! – вдруг ущипнул меня босс и перекрестился.

Мы пошли к столам с яствами, взяли по пустой тарелке. Остальные гости активно трапезничали в буфетной. Мне отрезали кусочек гуся, и тут как раз как бы незаметно подошел посол Германии. Он стал наливать себе кофе, улыбаться нам и между нами естественно завязался дельный разговор. На прощание он дал свою визитку и попросил наши, но мы с важным видом

ответили, что визитки все уже раздали. Пришлось ему писать наши контакты на бумажке. Потом после разговора с послом к нам подошел министр по продовольствию, сельскому хозяйству и правам потребителей. Оказывается, есть у них такой министр, некий доктор. С ним мы тоже заключили ряд устных договорённостей на перспективу.

– Осталось лишь небольшие бюрократические проволочки преодолеть, но это политический момент... – сказал свою коронную фразу мой босс.

Министр улыбнулся, понимая, о чем идет речь.

– Безусловно, интересы наших деловых партнеров превыше всего, – ответил он на ломаном русском. – Вы знаете, как уже говорили на конференции, меньше всего пострадал экспорт сельхозпродукции из Германии, всего на 20%. Россияне – молодцы! Каждый третий верит, что кризис скоро закончится.

Мы пожали руки, и он с удовольствием дал нам по визитке.

Последней нашей целью был руководитель Торгово-промышленной палаты Германии, тоже доктор с еврейской фамилией. Мы встали с ним за один столик, и я принялся за гуся. Чудный был гусь, скажу я Вам. Это было нечто особенное. Настоящий немецкий рождественский гусь. Признаюсь, я даже хотел попросить политического убежища в Германии. Плевать мне было на то, что босс мой незаметно наступал мне на ногу и хмурился, что я слишком жадно ем гуся на глазах немцев.

Немцы – народ очень деловой. Очевидно, они специально устраивают такие обжираловки, а сами внимательно смотрят, кто и как ест. По этим особенностям они определяют человека, стоит иметь с ним дело или нет. Политического убежища я не попросил, так как вспомнил, что жена меня хоть и выгнала из дома, но я ее люблю. Руководитель палаты без слов протянул нам визитки. Оказалось, что он жил два года в Ставропольском крае, и мы предложили ему заняться поставками сельхозтехники за бюджетные средства. Помню, как он жал нам долго руки и приглашал в гости к себе в Мюнхен.

Пока мой босс добивал Торгово-Промышленную Палату, я подошел к барной стойке и попросил бокал вина. Мне было хорошо, гусь приятным образом обволакивал мой желудок. Осушив бокал залпом, я посмотрел на барменшу. Было в ней что-то наше, родное.

– Вы в каком звании? – спросил я ее в шутку. – Лейтенант или старлей?

Она улыбнулась и налила мне еще бокал вина. В этот момент подошел босс.

– Нам пора, – сказал он, накинув на себя маску чиновника большого ранга. – Отпейте маленький глоточек и поставьте стакан на место. Уходим по-английски.

– А гусь? Может, ребятам нашим захватим? Ведь пропадет? Давайте попросим официанта.

– Уходим по-английски, – почти принудительно стал выводить он меня из страны Гетте. «А может все-таки попросить убежище?» – колебался я, прощаясь взглядом с барменшей.

Мне показалось, что она мне подмигнула.

Чеченская рота

Памяти деда Сергея, чей орден я потерял в детстве.

Произошло это в мае 1944-го, незадолго до крупномасштабного наступления советских войск, известного в мировой истории под названием «Багратион». Германское руководство тогда не считало, что война проиграна. Основной удар Красной Армии немцы ожидали на Балканах, так как считали, что румынская нефть и черноморские проливы для Советского Союза являются логичной целью. Поэтому на Белорусском направлении они вели тактику затяжных и изматывающих боев, надеясь на раскол антигитлеровской коалиции и ошибки советского командования.

– Ахка, ахка, желторотый! – прохрипел по-чеченски старшина Заур и не узнал свой голос. Молодой солдат, тоже чеченец, с трудом оторвался от земли, вытянул шею, словно облезлый цыпленок, и взялся за лопату. Солдата покачивало от усталости, мышцы ужасно ныли, ладони кровоточили. Заур смотрел на него еще какое-то время. «Совсем мальчишка, – думал он. – Сколько таких полягут в этой глине? Сколько слез прольют их матеря?». Простуда пробивала горло так, что хотелось вырвать кадык. Шел проливной дождь, отчего земля превращалась в жижу, по которой плавали пузыри. Окопы заполнялись ею, и в ней вязли сапоги. Измученные работой солдаты засыпали прямо на ходу. Кто, прислонившись к краю окопа, кто, полулежа под навесом из веток. Заур ходил по окопам и приводил роту в чувство. Одному солдату достаточно было доброго слова, другому можно было и в морду дать. Но сейчас и то, и другое не помогало. Все валились с ног, словно лошади после бешеной скачки. Казалось, все бесполезно, напрасно. Лишь щемящее чувство опасности перед приближающимся боем тянуло эту бурлацкую лямку по морю солдатских страданий и лишений. Солдаты хрипели, молили о перекуре, проклинали этих проклятых немцев. Они любили Заура, называли между собой батей. И если кому-то доставался батин кулак, кивали одобрительно: «Значит за дело...». Сейчас все было в серой пелене пота, копоты и глины.

– Ахка, ахка... – твердил про себя Заур.

Дождь хлестал ему по лицу, а он стоял над окопом и смотрел, чтобы никто не отлынивал. Вот уже неделю роте был дан приказ вырыть окопы вокруг села Бобруйка и занять оборону. Со дня на день ожидали наступление немцев. Оно было неминуемо, как снег или дождь. На него нельзя и глупо было злиться. И старшина, как никто другой, понимал это. Внешне он был раздражен, но внутри спокоен. Только спокойное хладнокровие помогало ему выжить. Он знал, что страх тоже естественен, что желание жить дано Аллахом, и что если суждено погибнуть, то погибнуть непременно героем, за честь семьи, за Родину, за товарища Сталина. Главное, чтобы эти фашисты больше не топтали родную землю. «Чтоб они, шайтаны, утопи здесь в нашей крови и поте!», – думал он, скрежеща зубами. Молодой солдат продолжал копать, но движения его были вялы и болезненны.

– Копай, твою мать! – повторил Заур уже на русском, багровея от злости.

Он не помнил, как звали этого солдата. Может быть, он был не чеченец. Состав роты менялся почти каждый день. Много гибло от бомбежек и пуль снайперов. Иногда у залесья выезжали немецкие танки и били прямой наводкой по траншеям и деревне. Пушки у роты не было, поэтому приходилось ползти по-пластунски с гранатой в руке или противотанковым ружьем. И каждый раз из десяти бойцов возвращался в лучшем случае один или два. Один танк они все же подбили, но фашисты ночью подцепили его и увезли на ремонт.

– Здоровеньки булы, батько! Разрешите хлопцам передохнуть? – заступился за молодого солдата седой сгорбленный дед.

Он пришел из деревни и протянул старшине свою единственную руку. Заур знал старика, знал его непростую судьбу, что еще до войны этому бедняге отрезало руку комбайном. В годы оккупации немцы сожгли за сотрудничество с партизанами всю его семью вместе с годовалым внуком Ваней, а его не тронули, заставляя выращивать свиней и рубить дрова. Когда советские войска вернулись, старика чуть не отдали под трибунал, но сжалившийся генерал махнул рукой. «Помогай, однурукий, чеченской роте, им связь с партизанами налаживай, провизию организовывай». Так и остался старик в Бобруйке за главного.

– Здравствуй, Рыгор Иванович. – поздоровался Заур с местным жителем. – Чего в дождь гуляешь?

– Да жалко мне твоих робят. С утра до ночи копают да копают, ни соломки во рту не державши, так и до Берлина докопаться можно... – продолжал ворчать инвалид.

Он взобрался над окопом и покачал своей седой головой, глядя как солдаты роют траншеи по колено в мутной жиже. Они, заслышав заступника, одобрительно стали шептаться между собой. Кто-то отложил лопату в сторону и вытер капли дождя и пот со лба.

– Отставить разговорчики! – побагровел старшина, спрыгнул вниз и, взявшись за свободную лопату, сам стал копать.

Он поднял лопатой большой ком грязи и сердито посмотрел на инвалида.

– Ты это мне, дед Рыгор, молодежь не расслабляй. Расслабимся хоть на секунду, и враг фронт прорвет. Снова хочешь фашистам приспешничать?

Дед тяжело вздохнул, но не обиделся и поковылял в деревню.

Молодого солдата, к которому на чеченском языке обращался старшина, звали Адам. Ему было около 16 лет. В ряды Красной Армии он вступил добровольно, чтобы отомстить немцам за отца, погибшего в августе 1942 года. Сказал, что исполнилось, восемнадцать. В военкомате ему не поверили, но взяли. Людей к весне 44-го катастрофически не хватало. Попал Адам сразу в чеченскую роту, хотя первоначально она называлась осетинской. Но те бойцы еще погибли до его прибытия, наткнувшись на фашистскую засаду в Подлесье. Свой первый день приезда молодой боец запомнил на всю жизнь. Страна отмечала 1 мая. День весны и труда. По радио из рубок на станциях звучали веселые песни, казалось, что никакой войны вовсе нет, и что такое большое количество военных едут на учения. У всех были радостные лица. Девушки с ближайших деревень подбегали к поезду, бросали в окна цветы, поздравляли с праздником, а они, солдаты, махали им вслед, обещали вернуться живыми, обменивались адресами. На конечной станции уже музыка не звучала. Вокзал был недавно разбомблен, и чернели его обуглившиеся деревянные постройки, ужасающе напоминающие, что война очень близко. Как это произошло, Адам так и не понял, но стоило ему отлучиться по нужде в туалет, как женщина с открытой пышной грудью взяла его нежно за руку и повела за забор в кусты цветущей черемухи:

– Пошли, красавчик, не пожалеешь. Ну, что ты пятишься, будто телок на бойню... Глупенький!

Все произошло быстро, но Адам еще долго помнил вкус ее сочных губ, пахнущих щами и солдатским потом. Кто была эта женщина, он не знал. Но ощущение, что он стал мужчиной, вдохновило его. Ему хотелось с новой силой бить гадов-фашистов, мстить за людские страдания, за смерть соотечественников. Из-за распутицы до Бобруйки могла дойти только лошадь, но, чтобы не опоздать, ему пришлось бежать несколько верст по полю вдоль петляющей дороги, ведущей в расположение части. Иногда дорога прерывалась речками и бродами, но новобранец не сбивался с пути, ибо бежал на отдаленные выстрелы и разрывы снарядов. На полпути над ним пронесся Мессершмидт. Самолет подлетел так близко, что Адам даже увидел в кабине фашистского летчика. Спрятаться в поле было невозможно. Он бежал, как мышка от коршуна, а тень самолета, расправив широко крылья и заслоня майское солнце, нависла над ним. Пули

били за спиной, вспахивали землю и сшибали ковыль, подгоняя вперед. И Адам бежал, пока, наконец, вдали не мелькнули спасительные заросли камыша. Самолет сделал прощальный круг и скрылся в облаках. А новобранцу по прибытию в роту старшина за грязную форму сделал строгий выговор и заставил чистить на полевой кухне картошку.

– Перекур, хлопцы! Перекур! – раздался эхом по траншеям хрип Заура, и солдаты, побросав лопаты, ушли под навес.

С их измученных, истощенных лиц стекала грязь комьями. Они волочились по жиже, пошатываясь от усталости.

– Тебя как звать? – обратился к Адаму грузный боец с широкими, почти бабскими бедрами.

Это был человек необыкновенной силы. Огромными кулачищами он мог вбить гвоздь в доску. Адам смотрел на его стальные пальцы и дивился, как они искусно скручивают самокрутку. Про себя чеченцы его звали Бабой Махорычем.

– Как звать-то, малой? – повторил вопрос грузный боец.

– Как первого человека...

– Гомо сапиенс что ли? – засмеялся тот. – На, держи!

И он протянул новобранцу самокрутку. Адам взял ее и осторожно закурил, стал сильно кашлять. Баба Махорыч опять засмеялся.

– Что, ядрена вошь?

Молодой солдат, едва сдерживаясь от кашля, весь красный, как вареный рак, кивнул и вернул дымящуюся самокрутку.

– То-то! – довольно сказал Баба Махорыч и сам сладко затынулся.

– Вот копаем, копаем уже третий день, а немцев все нет и нет. Может, они и не придут? – спросил у него Адам, рассматривая свои кровоточащие ладони.

Он почти плакал от боли и усталости. В кругу взрослых мужчин он чувствовал одиночество и робость. Боялся, что кто-то заметит его слабость и будет презирать. А плакать, действительно, хотелось.

– Дурак, ты верно! – вмешался в разговор Руслан, худощавый осетин, старожил в роте, переживший уже четвертое обновление. – Какого Гитлера они не придут? Да если и не придут, радоваться надо, что целехонький останешься.

– Я обещал своей девушке сто немцев убить... – робко сказал новобранец.

Окружающие солдаты весело засмеялись. Смех их был такой заразительный, что передался по всем окопам и уж многие не знали, почему смеялись, а дождь хлестал им по лицам, просачивался сквозь навес, и они вытирали капли дождя грязными руками, и казалось, что смеются они и плачут. Старшина, проходивший мимо, слышал разговор солдат и про себя подумал, что лучше бы немцы не пришли. Уже три года ждала его в родовом селении жена Зухра и трое малолетних детей. Без него они научились ходить и говорить. Без него они остались в горах на произвол судьбы. Только вчера Заур получил от жены письмо, в котором она писала, что в селение пришел тиф.

– Дед Рыгар говорит, придут, – засмеялся Баба Махорыч и кулаком вогнал в доску гвоздь.

Чеченец матюгнулся и отдал грузному солдату свой рожок с патронами. Другие одобрительно захлопали в ладоши.

– Айда, Степан! С тобой спорить бесполезно! Ты не то, что гвоздь кулаком вколотишь, но и пулю зубами поймаешь.

– А, может, все-таки рискнешь? – смеялся добродушно Баба Махорыч, обращаясь к Руслану. – Если завтра не придут, отдам тебе свой серебряный портсигар, а если придут, добежишь до края леса за горстью земляники?

– По рукам! – согласился осетин, и им разбили руки.

– Пропорил ты, Руслан, – не унимался хохотать грузный боец. – Третий день дождь идет. Примета у бульбоедов такая. Три дня дождь, жди фашистов. А сегодня как раз третий день.

– Посмотрим... Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я дольше других в роте задержался, уж я-то немцев чую. Не придут они завтра. Они погоду хорошую любят, чтобы солнышко светило.

– Отставить разговорчики! – не выдержал старшина. – По лопатам!

Его хриплый командирский голос привел всех бойцов в чувство. Все поднялись и разошлись по окопам. Адам и Баба Махорыч принялись укреплять противотанковый ров, а Руслан вытаскивал наверх ведра жижи грязи, чтобы легче было передвигаться внизу солдатам.

– Копай лучше, гомо сапиенс! – смеялся Степан. – Вот потом спустятся наши потомки через сто лет, откопают наши дряхлые кости, и стыдно им будет за нас, за косые стены!

– Типун тебе на язык, Степа. – пропыхтел от натуги, вытягивая за веревку ведро жижи, Руслан.

Веревка вдруг лопнула, и внизу раздался трехэтажный русский мат.

Стемнело незаметно. От костров стелилось по земле красное зарево. Казалось, солнце рухнуло вниз, и растеклось вдоль Бобруйки небольшими осколками. Пахло овсяной кашей. По алюминиевым мискам стучали алюминиевые ложки. Кто-то чистил оружие. Тени уставших дозорных качались на ветру вместе с тенями одиноких деревьев. Вокруг костров грелись не только солдаты, но и деревенские собаки. Среди них были даже немецкие овчарки, в спешке брошенные фашистами во время зимнего отступления. Они скулили, и сердобольные солдаты делились с ними остатками пищи. Вскоре прозвучала команда «отбой», и солдаты разошлись по землянкам. Чтобы не замерзнуть, старшина разрешил каждому выпить по сто грамм спирта. Благо, последнего было много. Дед Рыгар постарался. Все пили за Победу. Адам тоже пригубил, но его жутко передернуло, обожгло желудок, и под смех роты он вынужден был откашляться в пользу Степана. Тот же целую ночь куролесил и пел щемящие душу русские песни. Но никто не ругался. Может быть, не осталось больше сил на ругань, а, может, и не хотели бойцы, чтобы песни прекращались. Голос у Бабы Махорыча был бархатный, добрый, человеческий. Все слушали молча и даже роняли слезу. Вскоре усталость взяла свое, и бойцы уснули. Многим снился родной дом. Во сне одни разговаривали с любимыми, кто-то отчаянно сражался и стонал. В землянках стоял храп. Пахло грязными портянками. Не спал лишь Заур и постовые. Старшина ходил по окопам, сухо кашлял, насквозь замерзший и простуженный. От земли чертовски тянуло холодом и сыростью. Странное чувство одолевало его. Он ощущал всем своим телом, что завтра утром что-то начнется. Мысль о собственной смерти не пугала его, но он жадно перечитывал строки жены, всматривался в фотографии своих детей и чесал небритый подбородок. Иногда он всматривался в пелену ночи. Где-то далеко шумел лес. Пахло свежей зеленью и земляникой. Лес манил к себе, обещал укрыть в своих объятиях, обещал жизнь. Здесь, на равнине, рота была как на ладони, но это место было стратегически важным для наступления советских войск. Для немцев Бобруйка была, как кость в горле, продвигающая вперед линию фронта на пять-шесть километров и отсекающая группировку фашистов «Центр» от жизненно важных запасов питьевой воды реки Коноплянка.

Наутро всех разбудили выстрелы.

– Кто стрелял? – заорал Заур, матерясь.

– Товарищ старшина, кажись, дезертира застрелили! – отдал честь постовой. – Бежал в лес.

– Как в лес? Какого дезертира? Отставить разговорчики!

Заур взял бинокль и стал всматриваться в сторону леса. Сначала он ничего не видел, но затем заметил в цветущей траве шевеление.

– Живой еще, товарищ старшина. Позвольте добить предателя! – не унимался караульный.

– Твою мать! Отставить!

Через оптическое стекло можно было видеть, как боец Руслан собирает на окраине леса землянику. Он аккуратно отрывал красную ягоду от зелени и клал в свою каску.

– Ах, сукин сын, что творит! – покачал головой старшина. – Ну, ты у меня обземляничишься!

За лесом Заур увидел надвигающую квадратную тень. За ней шла другая, третья.

– Шайтаны ползут, – прохрипел он.

На дальней линии уже невооруженным глазом было видно, как двигались ряды танков вместе с немецкой пехотой. Руслан тоже заметил противника и, вскочив с земли, быстрыми рывками с падениями, стал прорываться к своим. По нему влупил пулемет с ближайшего танка, и видно было, как земля встала дыбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.